

ление властью магов, то надо внимательно посмотреть на то, что происходит вокруг нашей души. Из духовного дома нашей субъективности надо выгнать чуждые силы влияния, в доме души должен быть ее родной дух, дух ее родной культуры, звучать голос ее родного, понятного ей языка. Необходимо каждому решительно вести духовную брань за душу человеческую. Душа – это земля и небо Божьего духа в нас, и потому эту святыню надо беречь как самое ценное в жизни человека. Закончим статью словами И. А. Ильина. В духовной жизни человека, писал И. А. Ильин: «есть закон, в силу которого грядущая даль открывается только тому, кто смотрит из глубины. Потому нам необходимо подлинное углубление духа; мы должны, прежде всего, сосредоточиться и уйти в живую глубину нашего собственного существа, в «субстанцию» нашей человечности или, сказал бы Аристотель, в «энтелехию» нашего духа, в ту священную сферу, благодатность и божественность которой возвестил нам Сын Божий, Иисус Христос. Повсюду, во всем мире должен начаться постепенно духовный пересмотр наших душевных актов и наших предметных содержаний... Люди будут сосредотачиваться на последних, священных истоках своей жизни, они будут созерцать жизнь своего сердца и судить о нем, – каковым оно должно быть, и каким оно оказалось в действительности, и чего ему недостает... Чем серьезнее, чем ответственней, чем глубже, чем искреннее будет этот пересмотр, тем лучше. Ибо бедствия нашего времени велики, и опасность можно будет преодолеть только тогда, если будет захвачена последняя глубина человеческой души, если человечество опять продолжит в себе путь к Богу. Здесь дело совсем не только в «моральном перевооружении», в этих скудных и вымученных словах, обозначающих новую и дешевую моду и обеспечивающих в лучшем случае укрепленную закусочную дисциплину. Человечество нуждается в обновлении духа и облагораживании инстинкта, в возвращении к евангельской вере, а не в «чистых перчатках», обещаемых антихристом»¹.

А. Н. Марусан

с. Эликмонар. Республика Алтай

ПРОБЛЕМЫ ТЕОЛОГИИ ПРОШЕДШИХ ВРЕМЕН

Теология несет в себе сложные теоретические и практические вопросы, на которые человек пытается найти ответ и решение, но пока получается только задавать себе и всем вопросы и догадываться об ответе. Этот по-

¹ Ильин И. А. Путь к очевидности. М., 1993. С. 402.

иск ведется многие тысячелетия. Именно на то, что поиск ведется тысячелетия, и хочется обратить внимание.

Силой обстоятельств, я переехал на постоянное место жительства на Алтай. И меня пригласили посетить одно интересное место в Чемальском районе Республики Алтай. Недалеко от поселка Куюс, на берегу реки Катунь, естественным образом образовалось небольшое урочище Кызык-Телань. Это довольно ровная площадка-поле, окруженная горной грядой, которая своими скалами, упираясь в Катунь, отрезает от свободного входа на нее. Напротив центра площадки есть столοобразное возвышенное место, в виде большой ниши в окружающей горной гряде. Вполне оправданным было бы сравнение такого места с естественным алтарем, освящающим урочище. В этом урочище захоронены древние люди – гунны, скифы, тюрки. Насчитывают более ста пятидесяти захоронений. На скалах есть рисунки раннескифского стиля (6000 лет до н. э.), каракольского стиля (2000 лет до н. э.), древнетюркского (звериного) стиля (500 лет до н. э.).

Некоторые имеют неоднозначное значение. Так, на одной из скал есть изображение оленя или марала с рогами в виде лестницы; человеческая фигура, одетая в «лучистую» шапку.

То, что человек в эпоху натурального хозяйства, когда собирательство, охота, рыбалка максимально занимают день, занимался тем, что стучал день за днем каменными орудиями в труднодоступном месте по скале из гранита, в месте, удаленном от воды, топлива, питания, вызывает недоумение и вопрос – для чего, с какой целью? Если рисунок глиной на камне в Африке еще можно как-то объяснить наличием свободного времени после удачной охоты, то грудоемкая работа по шерблению скалы, в то время как твои соплеменники бегают по горам за дичью в условиях довольно прохладного климата, большой удаленности от древесины на топливо, питьевой воды и многого другого как-то не вяжется с праздными забавами.

В этих рисунках, как мне представляется, уже тогда совершались попытки (а возможно, и не попытки, но реальное общение) выйти на разговор с Богом, и эти попытки были обоснованы уверенностью в совершаемых действиях. Любой наскальный рисунок является попыткой выйти на разговор с «другим», с кем-то неизвестным, но живым, сильным и реальным, в том числе и языком изображения. Тем более показателен рисунок животного с рогами-лестницами. Как отмечает Мирча Элиаде в «Шаманизме», животное и лестница, в формах древних верований, участвуют в сакральных действиях между человеком и Богом. Некоторые рисунки, изображающие человека, имеют грибовидную шапку с исходящими от нее лучами, что тоже имеет нетривиальное значение.

Биологи утверждают, что у некоторых животных есть язык, на котором они передают информацию, понятную сородичам. Но она носит чисто практический характер. Пчелы, муравьи, волки и многие другие живые существа «сговариваются», путем общего языка, выполнить задачу, но только носящую утилитарную цель. Абстрактное разрисовывание места своего пребывания, которое добавляет еще трудности быту и экономике целого племени, когда каждая «лапка» на счету – невообразимое расточительство. Только одна цивилизация в животном мире страдает этой болезнью – человечество.

Я отметил, что сам по себе рисунок на камне – это уже попытка разговора с Богом.

Далее, нужно обратить внимание на место, где изображен рисунок.

Как выше было отмечено, это ровное поле – дол, огражденное горной грядой, стоящее полукругом, которое своими краями спадает в быструю реку Катунь. Вплавь ее переплыть – гиблое дело: вода холодная, течение быстрое, скальное дно. Не встать, не зацепиться. Скорость воды 30 и более км в час. В центре урочища, на возвышении, имеется плоская, столообразная ниша. Скальные хребты, окружающие дол со всех сторон (за рекой тоже хребет), имеют по краям возвышения, пики. Само название Кызык-Телань переводится как «узкое место, где проползет только змея». Вопрос о включении прошлым человеком в обозначение места захоронений символа «змея» довольно неоднозначен.

В горах световой день короток. Солнце зашло за горку, и сразу становится сумеречно и прохладно. Перепады температур в 10–15 градусов, в течение часа, – довольно привычная картина для этих мест. В летнее время утренние сумерки до 10 часов дня и закат в 15 часов – обычное явление. И за этим сразу происходит резкое изменение температуры.

Поле, а тем более возвышенная ниша, довольно длительно и хорошо освещены для этих мест. Но поселения здесь нет, люди здесь не живут, хотя в районе существует проблема с землей. Я слышал разные отзывы об этом месте, но все высказывающиеся уверенно говорили об одном – здесь жить нельзя. В советское время здесь была ферма, но по каким-то причинам она захирела и в настоящий момент от нее остался лишь фундамент.

Я отметил, что это хорошее, естественно защищенное место (можно было бы отметить, что оно хорошо для хозяйственной деятельности человека) почему-то не заселяется и практически не используется. Местность имеет хорошо освещенную плоскую территорию с естественным ограждением, на котором большое количество древних захоронений и наскальных рисунков разных эпох. При входе в дол, с северной стороны, исследовате-

ли отметили отдельно стоящую скалу, с большим количеством наскальной живописи разного временного стиля, у подножия которой приносилась жертва. Ее определяют как жертвенный камень.

Можно сделать промежуточный вывод, что место для захоронений прошлым человеком выбиралось не случайно. На содержание этого места тратились (по тем временам) большие материальные средства. Как-то – содержание культовых служителей-камнерубов, жертвенные приношения, воздвижение больших сооружений для захоронения одного человека (большая насыпь из галечника, устройство поверх насыпи могилы из цельных каменных плит больших размеров), неиспользование в активной хозяйственной деятельности крупного земельного участка при явном дефиците оных.

И самое интересное – то, что первоначальные, т. е. более ранние рисунки имели более сложный сакральный смысл (лучистые шапки, животные с рогами-лестницами), в отличие от позднего тюркского (звериного), в котором подчеркивается практический момент взаимодействия человека и животного.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что подобные места выбирались не случайно, а исходя из явного сакрального знания, которое со временем утрачивалось по причине «не всем дано» и/или «не всем давали». Сакральное знание ставило перед учителем проблему по передаче этих знаний. Решая такие сакральные = интеллектуальные, а с ними и материально-затратные задачи, прошлый человек решал, как сказал бы настоящий человек, теологические проблемы.

Это место мало изучено, несмотря на то, что на нем работали экспедиции. Экспедиции занимались изыманием из могил останков древних людей, поисками ценностей. Но с позиции теологии такие места не изучены. Взаимодействие знания археологического, культурологического и теологического – более чем актуальная задача.